

«В этой книге я в каждой истории того или иного человека вижу свою настоящую боль за родной клуб. Мне было интересно все это читать. Каждый хотел чем-то помочь "Спартаку"».

*Евгений ЛОВЧЕВ, чемпион СССР 1969 года,
лучший футболист Советского Союза 1972 года*

«Книга — очень интересная. Желая, чтобы тираж ее был не 20, а 200 тысяч! Ведь спартаковских болельщиков — миллионы! В издании действительно присутствуют прекрасные личности. И там раскрывается характер каждого из собеседников. Спасибо тебе, Игорь!»

*Геннадий ЛОГОФЕТ, июнь 2011 года,
из презентации первого издания книги
в Центральном доме художника на Крымском Валу*

«По моему глубокому убеждению, эта книга полезна для поклонников "Спартака" всех возрастов. Я сам спартаковец с 1985 года и для меня "быть спартаковцем" значит многое — можно сказать, формула самоопределения.

Безошибочно верное решение — прямая речь легендарных игроков всех времен, точно и тонко передающая настроение, атмосферу известных фактов, а также событий, о которых до этого момента мы были пока лишь слышаны. Со всей искренностью надеюсь, что эта книга послужит прекрасным "допингом" к победным временам».

*Денис МАЦУЕВ,
пианист, болельщик «Спартака»*

«Читатель чувствует себя погруженным в мир роковых страстей, жестокой вражды и пылкой дружбы, в мир фантастических интриг и затяжных коммерческих войн. Если он узнает, что все это из-за простого кожаного мячика, то половина впечатлений теряется. Поскольку я ничего не понимаю в футболе, для меня книга Рабинера — удивительная повесть Шекспира с Оуэном и Жюлем Верном».

*Дмитрий БЫКОВ,
писатель, февраль 2011 года*

«Сверхидея автора — связать поколения спартаковцев откровенными рассказами о себе. ”Дедушка“ Симонян встает к исповеди, и журналист в сутане непринужденно включает диктофон, чтобы однажды ”внук“ Павлюченко узнал, чем жил легендарный бомбардир. Потом они меняются местами, а контора пишет. К общему знаменателю все монологи сводят киты спартаковской истории — Старостин, Бесков и Романцев.

Самая пронзительная интонация в рассказе: Владимир Маслаченко. Этот голос мы вживую больше не услышим никогда. В записях, в том числе и диктофонных, он, без сомнения, сохранился десятками копий, но Рабинеру действительно удалось переложить строй речи Никитича в знаки на бумаге».

Роман ТРУШЕЧКИН, журнал ProСпорт

«Автор выстраивает исследование с помощью монологов. Симонян, Ловчев, Дасаев, Тихонов и многие другие герои видят ситуацию в клубе по-своему. В этих противоречивых наблюдениях и заключена соль. Солит Рабинер умело, оттого и книга читается на одном дыхании. Иногда даже со скупой спартаковской слезой».

Павел ВАСИЛЬЕВ, журнал «Московский спорт»

«Свой дух и традиции, юмор и отношение к ветеранам, и еще терпение, о котором так захватывающе — заслушаешься — говорит Георгий Ярцев. Все это укладывается в слово ”история“. В этой книге их собрано очень много: забавных, трогательных, красивых, ошеломительных, страшноватых, таких, в которые с трудом верится, но все-таки верится. Это же, как-никак, футбол, — значит, все может быть».

«Книжное обозрение»

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ИСАЕВ «РАДИ ”СПАРТАКА“ СТАРОСТИН ДАЖЕ НЕ ОБЕДАЛ!»	9
Геннадий ЛОГОФЕТ «РОКФЕЛЛЕР БЫ В ГРОБУ ПЕРЕВЕРНУЛСЯ!»	44
Валерий РЕЙНГОЛЬД «СТАРОСТИН СКАЗАЛ: ”С ТВОЕЙ ФАМИЛИЕЙ ПРОБИТЬСЯ В СБОРНУЮ БУДЕТ ТЯЖЕЛО“. НО Я НЕ СТАЛ ЕЕ МЕНЯТЬ»	72
Анатолий КРУТИКОВ «ПОСЛЕ ВЫЛЕТА ИЗ ВЫСШЕЙ ЛИГИ ГОД НЕ ВЫХОДИЛ НА УЛИЦУ»	96
Юрий ГАВРИЛОВ «В ТАРАСОВКУ ПРИЕЗЖАЛ НА ОТЦОВСКОМ ”ЗАПОРОЖЦЕ“ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ».....	119
Вагиз ХИДИЯТУЛЛИН «СТАРОСТИН РАССКАЗЫВАЛ НАМ, КАК ПОЖИМАЛ РУКУ ЛЕНИНУ»	144
Станислав ЧЕРЧЕСОВ «НЕПОПУЛЯРНЫЕ РЕШЕНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПО ТИТОВУ, ПРИНИМАЛ Я, И ТОЛЬКО Я»	176

Валерий КАРПИН ”ПРИВЕЗ“ РЕШАЮЩИЙ ГОЛ И РАСПЛАКАЛСЯ В РАЗДЕВАЛКЕ. ПОДОШЕЛ ЧЕРЕНКОВ: ”ВАЛЕРА, ЗНАЮ, ЧТО ТЫ НАМ ЕЩЕ ПОМОЖЕШЬ“»	219
Дмитрий АЛЕНИЧЕВ «УСТАНОВКИ У ЯРЦЕВА НЕРЕДКО ПРЕВРАЩАЛИСЬ В ПРОГРАММУ ”ВОКРУГ СМЕХА“»	250
Роман ПАВЛЮЧЕНКО «В ЖИЗНИ ИГРАЛ ДЛЯ ДВУХ ТРЕНЕРОВ — ХИДДИНКА И ФЕДОТОВА. А ПОДЛОГО ЧЕЛОВЕКА СТАРКОВА ОДНАЖДЫ ХОТЕЛ ТРЕСНУТЬ ПО БАШКЕ»	301
Денис ГЛУШАКОВ «В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ”СПАРТАК“ СТАНЕТ ЧЕМПИОНОМ, КОГДА БУДУ В НЕМ ГЛАВНЫМ ТРЕНЕРОМ!»	326
Георгий ЯРЦЕВ «БУДЬ МЫ С РОМАНЦЕВЫМ ВМЕСТЕ, ТИХОНОВ И КЕЧИНОВ ИЗ КОМАНДЫ БЫ НЕ УШЛИ»	374
Послесловие НЕ ИЗМЕЛЬЧАЙ, «СПАРТАК!»	428
Благодарности	441

Анатолий ИСАЕВ

«РАДИ ”СПАРТАКА“ СТАРОСТИН ДАЖЕ НЕ ОБЕДАЛ!»

Я ВСЕГДА СЧИТАЛ ДОМ ФУТБОЛА НА ТАГАНКЕ средоточием официоза и конъюнктуры. Но после 2010 года мое отношение к нему полностью изменилось, и когда впоследствии я услышал, что его собрались то ли закрыть, то ли перепрофилировать, мне стало немного грустно.

Потому что в 2010 году в этом нарядном желтом здании мы разговаривали с Исаевым.

Встретились в эпицентре живого, не заформализованного разговора о футболе в офисе РФС — кабинете Никиты Симоняна. Почти шестьдесятю годами ранее два этих легендарных человека впервые вместе вышли на поле в красных футболках с белой полосой — от одной этой мысли бросало в почтительную дрожь. Не говоря уже о том, что в 1956-м, за сорок четыре года до нашей беседы, они в Мельбурне завоевали золотые медали Олимпийских игр. Вместе они трижды становились победителями союзного первенства в роли игроков «Спартака», в 1962-м главный тренер Симонян привел к чемпионству капитана команды Исаева, а в золотом 1969-м Анатолий Константинович уже помогал Симоняну в тренерском штабе. И Никита Павлович говорит, что лучше ассистента, чем Исаев, у него в жизни не было...

78-летнему (на то время) Анатолию Константиновичу уже было трудно ходить, но неистощимый на идеи Симонян увлекал его всевозможными ветеранскими затеями, к которым Исаев не мог оставаться равнодушным. Потому и не засиживался дома, ехал

к другу на Таганку. За одно то, что благодаря Симоняну ветераны всегда чувствовали себя востребованными, Никите Палычу нужно в ножки поклониться.

А еще — отдать должное тем, кто придумал ежемесячный турнир «Негаснувшие звезды», во время которого мы и договорились об интервью. В тот октябрьский день в динамовский манеж пришли все четыре спартаковца — олимпийских чемпиона 1956 года: Симонян, Исаев, Ильин и Парамонов. Последний, хорошо знавший французский язык, однажды спросил Мишеля Платини:

— Есть ли еще где-нибудь в Европе такие турниры для ветеранов?

— Мне о таком неизвестно, — покачал головой великий француз, тогдашний президент УЕФА. — У меня на родине — точно нет.

А ведь какими счастливыми хотя бы на несколько часов благодаря этому соревнованию становятся люди, которые когда-то дарили столько радости болельщикам. Вспомнить былое (тем, кто помоложе — прямо на поле, а кто постарше — просто в общении), с головой окунуться в прежние годы — есть ли лучший способ для того, чтобы жизнь вновь наполнилась смыслом, чтобы ушло ощущение «все лучшее уже позади»?

Проговорили мы почти четыре часа — так, что даже проходивший мимо нас тогдашний президент РФС Сергей Фурсенко забеспокоился о последствиях этой марафонской беседы для здоровья Исаева. Когда диктофон был выключен, я извинился перед Анатолием Константиновичем за то, что отнял у него столько сил.

— Да что ты! — махнул он рукой. — Мне, наоборот, разговор легко и приятно дался. Вспоминал-то о вещах, которые мне так дороги...

Весной 2007-го на огромном поле аэродрома в Тушине именно Исаеву было доверено зачитать послание к потомкам, заложенное в капсуле в фундамент будущего спартаковского стадиона. В первом издании «Спартаковских исповедей» в 2011-м я писал: «Дай бог, чтобы Анатолию Константиновичу и другим великим красно-белым старикам довелось посмотреть с трибуны нового стадиона "Спартак" первый матч, о котором мечтали столько поколений игроков и болельщиков...»

Исаев — успел. Причем побывал он не только на арене в Тушине, открытой в 2014-м, но и в чудесном клубном музее. Торжественная церемония его открытия состоялась 26 марта 2016-го, и туда пришли три олимпийских чемпиона-1956 — Симонян, Парамонов и Исаев.

Жить Анатолию Константиновичу оставалось считанные месяцы — в июле того же 2016-го его не стало. И единственного пока чемпионата, добытого на новой красно-белой арене в 2017-м, он не увидел...

Предложение зачитать послание к потомкам стало для меня интересным и неожиданным. Обычно у нас Симонян с Парамоновым в торжественных случаях подходящие слова произносят. Я же — вообще не говорун. Будь у меня речь получше — может, и главным тренером стал бы.

Но тут ни Никиты Палыча, ни Алексея Александровича в Москве по каким-то причинам не было. И эту честь оказали мне. Узнал я об этом прямо там, в Тушине. Попросил только о возможности с текстом заранее ознакомиться — не буду же читать его, не зная, о чем речь идет!

Нам ведь еще в пятидесятых руководители обещали построить для «Спартака» стадион — правда, в Сокольниках. Я еще, помню, пошутил, что, когда построят, мы уже закончим играть и будем стоять у входа контролерами. А потом — то денег нет, то землю не дают... Так до сих пор и ждем.

Конечно, мечтаю и сходить на первый матч. Правда, если врачи пустят. А еще — если пригласят. Я ведь много последних лет почему на футбол не хожу? Пришел как-то еще на старый «Локомотив» — кто играл, не помню. У меня было только удостоверение заслуженного мастера спорта СССР. На входе спрашивают:

— Что это такое?

— Пропуск на все стадионы России, — говорю.

А они мне:

— Не знаем такого пропуска.

Полчаса уговаривал, объяснял, что олимпийский чемпион. Так стыдно было... Какая-то женщина мимо прошла — ее сразу пропустили. Я возмущился:

— Как же так?

— У нее пропуск есть, а у вас — нет.

Хорошо, что меня администратор «Локомотива» Анатолий Машков увидел — и тут же провел. А если бы его там не оказалось?

И я сказал себе — все. Тем более что публику нынешнюю, признаться, даже боюсь. Помню, в 1993 году, после тяжелой болезни, едва выйдя из больницы, пошел на какую-то игру «Спартак». Слабенький еще был — и ехал с ними в метро после матча. Ладно то, что узнавали только старые болельщики — на другое и не рассчитывал. Откуда молодым-то знать? Но они меня чуть не растоптали! Чувствовал: если сейчас толкнут — упаду и уже не встану. Я ведь тогда заново учился ходить. Врач сказала, что мне обязательно нужно ходить по четыре километра в день. Четыре, конечно, не прохожу, но каждый день час гуляю, невзирая на снег, дождь, жару... Я должен выйти для того, чтобы жить!

Первое мое знакомство со «Спартаком» состоялось в 1947 году — и получилось оно таким же неожиданным, как и просьба прочитать послание к потомкам. Я жил в одном доме с рабочими карбюраторного завода — филиала автозавода имени Сталина, будущего ЗИЛа. То есть место у нас считалось торпедовским. И вот однажды к нам во двор пришел полузащитник «Торпедо» Вячеслав Орлов. Он собирал мальчишек для того, чтобы вручать цветы на финале Кубка СССР между «Торпедо» и «Спартаком». Кажется, тогда мы играли в футбол, — а может, просто стояли и разговаривали. И Орлов меня пригласил. У меня аж дыханье сперло!

Он назначил нам встречу там, где базировался клуб «Торпедо». Нас посадили в автобус вместе с командой и повезли на игру. Я просто обалдел — видеть рядом Пономарева и других игроков! Сидел и дрожал, глядя на них. Но болел-то я не за «Торпедо», а за «Спартак», потому что моя старшая сестра работала там бухгалтером, а потом стала заведующей финансовым отделом городского

совета «Спартака». Работать в клубе и не болеть за него в ту пору было невозможно.

Сестра ходила на парад 7 ноября — а тогда одной из его частей был парад физкультурников. И принесла мне оттуда домой спартаковский красный свитер с белой полосой, в котором шла по Красной площади. С тех пор вопроса, за кого болеть, у меня не возникло. И хоть приехал я в автобусе с торпедовцами, так рад был, что «Спартак» выиграл 2:0!

Всю игру мы организованно сидели на трибуне, а потом, будучи в торпедовских футболках, вручали цветы спартаковцам. Кому именно — правда, не помню. В памяти сохранилось только ощущение радости — но, с другой стороны, и неудобства, что я в майке «Торпедо»... Мне тогда было пятнадцать лет.

Войну мы пережили тяжело. Отец на фронте, сестре тринадцать, мне — девять. Мама работала днем и ночью, чтобы нас прокормить, но были свои обязанности и у меня. В нашем доме была булочная, так я ночь не спал, чтобы затемно занять очередь и первым купить бублики. Их было немного, на всех не хватало.

Но покупал я их не для того, чтобы съесть. А ехал на рынок в Михнево, за сто километров от Москвы. В городе тогда рынков не было — все уничтожили, чтобы диверсанты не навредили. Всклакивал на подножку и в таком положении спал, пока ехал! И как не свалился только? Главным было, чтобы бублики не украли. Продавал их, а на вырученные деньги покупал мороженую картошку. Черную. Вез домой и из отрубей, которые мать где-то доставала, пек лепешки.

Я знал, что такое хлеб. Вижу батон, есть хочется, мать на работе — и я все подрезаю, подрезаю... Она приходит с работы, а там остается всего ничего. Она мне тихо:

— Сынок, не стыдно тебе?

Но как в девять лет поймешь это: купить хлеб — и не есть его? Ели тогда все, что под руку попадалось — и крапиву, и ботву, из них варили пустые щи. Но закалку это дало крепкую.

Еще помогал матери дежурить по дому. Когда подходила ее очередь, а она работала, я лазил по крыше и скидывал с нее «зажигалки» — термитные зажигательные бомбы, которые немцы тысячами сбрасывали во время авианалетов. Одну даже домой принес, да товарищи меня «заложили». Пришла милиция, и маме гово-

рят — ваш, дескать, бомбу взял. Я ее на кухне под стол положил — она такая симпатичная была, вся блестела. А если бы вспыхнула?..

Но в войну мы все же погорели. У нас была одна комната на верхнем, пятом этаже, а на первом жил пожарный. Так он вместо того, чтобы тушить пожар, его, не загасив папиросу, устроил. Полкомнаты у нас сгорело — так и жили. Слышали, как крысы бегали по чердаку: ночью, выходя в туалет, приходилось пошуметь, чтобы твари эти разбежались. Ужасные, короче, были времена.

Но все перевесило то, что отец живым вернулся с фронта. Они с мамой работали в одном сборочном цеху — он кладовщиком, а она слесарем-сборщиком: зеркала собирала. В футбол отец не играл, а я — и в футбол, и во что угодно. Зимой по льду гонял консервную банку. Потом уже, спартаковцем, приехал туда, чтобы посмотреть те места, где начинал. И был потрясен: как там можно было развернуться, если посередине двора была песочница, а вокруг — лавочки?! Перекидывали мяч через стенки песочницы — и бегали.

Сколько стекол расколотил! Шлепали за это, конечно. Я во дворе был самым хулиганистым, а иначе в футбол бы и не пробился. Потом играл за улицу, позднее — за район. О настоящих мячах, конечно, и не мечтали. Чулок тряпками набивали, чтобы было что-то похожее на мяч — и носились. Зимой такой «мяч» к валенкам прямо прилипал. Так технику и отрабатывали...

А сколько ботинок порвал! У матери были туфли с маленьким каблуком, и я приспособил их для игры. Разбил начисто! Она стала искать, а когда нашла, чуть меня не поколотила. А еще у отца были такие рабочие сапоги-«говнодавы». Они под диваном долго-долго лежали, я их откопал, надел — оказались размера на три больше. Как на носок мяч поймал, ударил с лета — тут же разорвались, потому что велики были. Припрятал, чтобы отец вообще о них не вспомнил — но он все-таки нашел. Досталось мне прилично, даже ремнем.

Поэтому родители и не хотели, чтобы я играл в футбол — он у них с порванной обувью ассоциировался. Они не понимали, что за это мне будут платить деньги. Я, правда, тоже не понимал. И даже не осознавал, что играю хорошо. Просто нравилось. Как страдал, когда мать после войны отправила меня в деревню на отдых, а там в футбол никто не играл! Табуны стерегли, спали на стогах, верхом на лошадях ездили — а футбола не было.

Осенью 1951-го тренер московского ВВС Гайоз Джеджева собрал юношескую сборную Москвы из пацанов разных годов рождения — и в Тушине устроил матч со своей командой. Почти там же, где сейчас «Спартак» стадион будет строить! Такой вот оборот судьбы. Территория принадлежала военно-воздушным силам, и был там небольшой стадиончик с двумя финскими домиками, где мы переодевались и принимали душ. Так я в первый раз сыграл против команды мастеров.

Увидел тогда знаменитого вратаря Михаила Пираева — и так испугался! Страшнее человека не было: усищи, нос, глаза, шаровары втрое шире него... Кто мог подумать, что совсем скоро мы с ним вместе будем за «Спартак» играть и чемпионами станем и что он окажется потрясающей души человеком? А тогда мы им проиграли 0:5, но после матча Джеджева одного меня подозвал к своей черной иномарке и записал адрес.

Но сначала я все-таки попал в армию в Подольск — учился на стрелка-радиста. И хоть играл в футбол и получил в связи с этим определенные привилегии — вместо пяти километров пешком с песнями, которые нужно было идти до бани, старшина разрешил на автобусе ехать — на попадание в команду мастеров ВВС не было никаких надежд. Но вдруг — телеграмма в штаб, чтобы меня на срок четыре дня отправили на сборы в Сочи.

Изначально в ВВС меня хотел видеть Джеджева, а приезжаю — там играющим тренером Всеволод Бобров. Какой бы ни был великий, но я это воспринял как трагедию — он же меня вообще не знал! Тогда мы и подружился с Валею Бубукиным, и остались дружны после того, как он оказался в «Локомотиве», а я — в «Спартаке».

А Всеволод Михайлович относился ко мне как к младшему брату. Хотя и матом иногда так поливал, что я думал: «Закончу-ка с этим футболом». У меня все внутри дрожало. Он считал, что я должен все делать так же, как он. Но тренировка закончится, он обнимет, скажет пару теплых слов — и сразу весь страх спадал. В паре со мной тренировался только Бобров. До того, как начал с ним работать, я не представлял, куда у меня мяч после удара по-

летит. А при нем уже стал присматриваться, кто и как бьет, и в первую очередь — как это делал сам Бобров.

Я бил с обеих ног, хотя был правой. Будучи пацаном, в пионерлагере как-то ногой засадил в кочку — играли-то босиком. Большой палец распух, я едва ходил. А играть хотелось, и пришлось отрабатывать удары левой. Бить правой не мог долго и во дворе лупил мяч о трансформаторную будку — так и научился. Симонян же уже в «Спартаке» объяснил мне, как распределять силы. У меня их был вагон, системы никакой в движении вообще не было, и Никита сказал:

— Что ты бегаешь без остановки? Распределяй силы, чтобы хватило на весь матч!

А я еще с детства хотел быть везде, играть с утра до вечера, пока солнце не сядет. Поиграл, краюху черного хлеба съел, водички из-под крана попил — и опять играть. Эту мою неутомимость отметил много лет спустя капитан английского «Вулверхэмптона» Билл Райт, когда мы их 3:0 обыграли. Было сколь приятно, столь и неожиданно. Он, игрок сборной Англии, сказал, что восьмой номер «Спартака» сделал больше, чем любые двое из его команды!

А знаете ли вы, что, когда в 1953 году разогнали ВВС и я перешел в «Спартак», — вскоре и Бобров там оказался? И опять тренировался только со мной в паре. Возможно, кстати, что это он и поспособствовал тому, чтобы я именно в «Спартаке» оказался. Он считал меня подходящим под спартаковский стиль.

Бубука его называл — Михалыч. А я не мог — только по имени-отчеству. Бобров пытался меня переучить, говорил, что в футболе нужно короче. Но вот не получалось у меня — и все. Так всю жизнь и называл его полностью — Всеволодом Михайловичем.

Мне страшно повезло, что попал к Боброву, видел, как он играет, работал вместе с ним. Я же киевскому «Динамо» свой первый гол за ВВС с его передачи забил! Это был единственный раз, когда лично видел Василия Сталина. Первый тайм закончился ничьей, 1:1. Я, молодой, сидел в запасе. В перерыве заходим в раздевалку — а там младший Сталин гремит:

— Ни шагу назад! Все вперед — и чтобы была победа!

Тут входит Бобров. И говорит:

— Василий Иосифович, дайте одну секундочку...

Тот тут же тихо сел в кресло в углу: уважал Бобра. Вообще, Сталин-младший хороший человек был, но его сгноили... И я краем уха услышал, что он сказал второму тренеру, чтобы меня выпустили. Тут же это передали мне. А у меня же еще ни одной игры в основном составе не было — так такой «кондратий» забил, что шнурки никак не мог завязать. Но когда на поле выбежал — все сразу прошло. Получил мяч, сразу отдал пас Боброву, тот мне в «стенку» вернул — и я ка-ак засадил в «девятку»!

В 1953-м, уже в «Спартаке», опять играем с Киевом, и вновь я в запасе. Это был один из немногих матчей, которые за красно-белых сыграл Бобров. Первый тайм — 0:0. А в защите у киевлян играли Лерман, Голубев — бойцы! Лерман однажды так Боброва встретил, что Всеволод Михайлович на беговой дорожке несколько секунд на голове стоял. Дорожка была гаревой, и когда Бобер встал, у него все лицо было черным.

В перерыве его спросили, будет ли он во втором тайме играть.
— Буду! — отвечает.

И два таких гола положил! Получив пас от Симоняна в углу штрафной, подрезал мяч через двух защитников — так, что они столкнулись друг с другом. А Бобров выбегает один на один, по-хоккейному Макарова в один угол кладет, а мяч — в другой. И потом — еще один такой же гол. В результате 2:0 выиграли. Абсолютно гениальный футболист был. Наверное, самый гениальный из всех, с кем я когда-либо встречался.

Когда ВВС расформировали, Бобров вроде бы закончил — какое-то время вообще нигде не играл. И вдруг они в начале лета 1953-го вместе с Толей Башашкиным в «Спартаке» оказываются! Приняли его в команде потрясающе — авторитет-то гигантский. И спартаковцем он себя почувствовал настоящим, хоть бóльшую часть карьеры в ЦДКА играл. Подходил он нам по своей игре идеально.

Сыграл он за «Спартак», к сожалению, всего четыре официальных матча. Много травм было, а в 1954-м ему вообще в футбол играть запретили. Руководство так решило, чтобы сберечь его для хоккея. Ноги-то у него постоянно опухшие были, он их черт-те сколько перебинтовывал. За какой вид спорта ни брался — все хорошо делал. Говорил: «Талант в футболе — талант во всем».

Бобер ведь стал единственным тренером, при котором хоккейный «Спартак» две золотые медали выиграл! Когда он пришел

в «Спартак», там были такие фигуры, как братья Майоровы и Старшинов, и поначалу они его не особо восприняли. Но как он показал, что умеет — подняли руки: «Сдаемся!» И заиграли так, что даже ЦСКА с ними ничего поделаться не смог.

Обидно было, что ему за 1953 год в футбольном «Спартаке» золотую медаль не дали, поскольку он половины матчей не провел. Ладно у меня такая же ситуация — начинающий, еще успею. А вот что обделили его, внесшего лепту в победу... Сейчас даже тех, кто не провел ни одной игры, медалью награждают. По такому принципу я должен был получить золотые медали за 1953-й, а также за 1962-й. А ведь тогда я, несмотря на присутствие Нетто, был выбран капитаном и провел пять или шесть матчей...

Бобров был потрясающей личностью. Вообще не пижон — при такой-то славе! Умница, он к любому человеку относился так же, как Симонян: и того, и другого какой-нибудь забулдыга мог подозвать, и они останавливались, полчаса с ним говорили.

— Зачем тебе это нужно? — спрашивал я Симоняна.

— Ты не понимаешь, — объяснял Никита. — Сейчас он за «Динамо» больше переживает, а завтра скажет, что вот с Симоняном по душам поговорил — и теперь он за «Спартак»!

Никита и меня приучал общаться с людьми так же.

И Бобер такой же был. Когда мы выиграли чемпионат в 1969-м, пригласили его на банкет в узком кругу и замечательно посидели. Но когда он выпивал, иногда выходил из-под контроля — и так чудил! Однажды мы с ним и с Симоняном сидели в отдельном кабинете ресторана «Арагат». Он, уже под градусом, решил прогуляться по залу. Я — за ним, чтобы он не сотворил чего-нибудь.

Бобров увидел открытую кабинку, в которой сидели две девушки и два парня. И вдруг он подтянулся — и с ногами к ним за стол прыгнул! Они как выскочили на него! Слава богу, Симонян все уладил, иначе началась бы заварушка. Я его схватил и потащил обратно в кабинет, чтобы больше ничего не натворил.

И Стрельцов таким же по молодости был: сто грамм выпьет — и попер. Кого хочешь поколотит! Я абсолютно уверен, что никого он не насиловал, потому что не был на это способен, а вот побить и вправду мог. За ту жуткую историю с ним, Огоньковым и Татушиным я немного свою вину чувствую. Мы дружили с Татушиным.

И получилось так, что в 1958 году весной у меня была порвана мышца задней поверхности бедра. А когда вылечился, сборная СССР проводила последнюю контрольную встречу перед отъездом в Швецию — против спартаковского дубля в Тарасовке. Дубль выиграл 3:1, а я в его составе два мяча забил!

И меня захотели оставить на сборах. Но я сказал:

— Если поеду в Швецию — останусь. А так что буду здесь сидеть?

Не надо было мне торопиться, дураком быть, — промолчал бы, мог и на чемпионат мира попасть. Сам не сообразил, что говорю. Тренеры пошли совещаться и, вернувшись, сказали:

— Ты мало тренировался, поэтому в Швецию не поедешь.

«Как это: мало тренировался — а два гола им забил?» — думаю. Короче, уехал на три дня за город отдыхать. Возвращаюсь, а мне рассказывают об этой истории. Я обалдел. И понял, что, если бы остался, — ничего бы не произошло. За это себя и корю. Ни за что не допустил бы, чтобы в компании с Татушиным оказались Стрельцов и Огоньков.

Еще до ВВС я был учеником токаря на том самом карбюраторном заводе, где работали родители. Хотел как-то помочь матери. Но меня, маленького, никуда не брали. А в нашем доме жил мастер инструментального цеха, душевный человек, любил меня как сына. К нему и устроился.

Я даже через крыши убегал с завода смотреть игры «Спартака». Игру посмотрел, опять через крышу прибежал — и в цех.

— Где был? — спрашивал начальник цеха.

— Курил.

— Сколько ж ты мог курить? — хмурил он брови.

А директором карбюраторного завода был Василий Поляков, бывший правый защитник «Торпедо». Крупный дядечка, на Карасика из фильма «Вратарь» похож. И вдруг он в наш цех приходит и меня спрашивает. Я испугался: директор завода, за ним свита... Подошел — и вдруг интересуется, где игра в следующее воскресенье. Говорю, что на «Шерстянике» (сейчас там стадион «Труд»). Он сказал, что обязательно придет посмотреть. А его друзьями были Анатолий Акимов, а также Николай Петрович Морозов, будущий главный тренер сборной СССР.

Я видел их на заводе, они приезжали к нему то ли карбюратор какой-то получить, то ли... поддать. Для меня тот же Акимов, до войны в «Спартаке» игравший, легендой был. Ну примерно как Олег Тимаков, который два года подряд в финалах Кубка за красно-белых голы головой забивал. Я, тогда еще совсем маленький, на этих людей смотрел как на каких-то богов.

Директор завода Поляков хотел видеть меня в «Торпедо». Но я в ВВС оказался, а на них повлиять было невозможно. В 1952-м после Олимпиады в Хельсинки разогнали «команду лейтенантов», ЦДСА. А в 1953-м умер Сталин. Я услышал об этом по радио, будучи с ВВС на сборах в Сочи. Плакать не плакал, но сразу мурашки по коже побежали. Что дальше будет? Вскоре возникла мысль, что это и по команде ударит.

Месяц еще просуществовали, тренировались в Лефортово, — и все. Обидно было — команду-то Всеволод Михайлович на моих глазах делал. Потом непродолжительное время была команда Московского военного округа, где объединились футболисты разогнанных ЦДСА и ВВС. Но и она просуществовала совсем недолго.

Когда разгоняли ВВС, мою мать начали агитировать на заводе, чтобы я в «Торпедо» перешел. Отвечал, что не могу, потому что за «Спартак» болею.

Специальная комиссия управления футбола распределяла игроков ЦДСА и ВВС по другим клубам. Мне дали альтернативу — «Торпедо» или «Спартак». И мой спартаковский выбор приняли.

А незадолго до того за мной в Лефортово из «Спартака» приезжали — главный тренер Соколов Василий Николаевич и Морозов, администратор. Я пообещал перейти. Соколов уточнял:

— Не обманешь?

Но какой тут обман, тем более что появился шанс попасть в любимую команду?

Соколов был неоднозначный человек. Приходит к тебе — хвалит тебя и «поливает» меня, приходит ко мне — все наоборот. Вот поэтому он надолго в «Спартаке» и не задержался. А вот кто порядочный был — так это Николай Алексеевич Гуляев.

Занудный до безобразия, это правда. Зато очень трудолюбивый. Даже с перебором. Скажем, выигрываем 5:0 у «Шахтера» в гостях. Проходит неделя, если не больше — и вдруг Гуляев от нечего делать подробный разбор той игры устраивает. Мы, глядя на него, смеемся. Педагог — он должен все видеть, но не обо всем вслух говорить. Ну какой смысл разбирать матч, в котором мы соперника разгромили?

Говорит, скажем, о Нетто:

— Игорь мало поддерживал атаку...

А тому палец в рот не клади:

— Вы что — дурак? Ребята пять мячей забили! Что я их буду поддерживать?

Тот опять за свое. И нарывается на неттовское:

— Я вам повторяю: вы что — дурак?

Тут уже, как всегда в таких случаях, подключился Старостин. Но от разгоряченного Игоря достается и ему:

— А вы вообще пешка в футболе!

Могу себе представить, как руководитель другого типа отреагировал бы, а Николай Петрович только руками развел:

— Ну, знаешь, Игорь...

Авторитет у Нетто был сумасшедший, и Старостин его уважал.

Но был и случай, когда даже Серега Сальников, любимец Николая Петровича, «водил» в квадрате, и на едкую реплику Старостина, запыхавшись, сказал:

— Николай Петрович, да идите на х...!

Дед обалдел, а Серега упал на траву и начал хохотать — аж ногами дрыгал. Потом, конечно, извинялся:

— Николай Петрович, вы подходите в такой момент, когда дышать нечем — и начинаете...

Но какой молодец Старостин! Мог ведь из этого эпизода устроить — мало не показалось бы, а виду не подал, и через две минуты все забыли¹.

¹ Никита Симонян, рассказывая об этом эпизоде, утверждал, что ситуацию разрядил сам Старостин: «Николай Петрович вдруг повалился на траву, задрал ноги и, хохоча, стал приговаривать: "Это классный номер". Когда все успокоились, Сергей Сальников попросил у Старостина извинения, на что тот сказал: "Да я тебя знаю, иди-ка ты сам к дьяволу"». («Советский спорт», 12.10.2001) (Здесь и далее — прим. авт.)

Гуляева ребята прозвали Мулом — за упрямство. Как он сказал, так и будет — надо это или не надо. Но повторяю: сверхпорядочный, честный, работающий, любящий свое дело. Мы его еще звали Писателем — он очень много записывал, статистику вел.

И, видимо, ночами недосыпал. Однажды днем Старостин приходит к нему после тренировки. Гуляев сидит за столом, в одной руке — ручка, в другой — блокнот. А сам спит. Николай Петрович прошелся по кабинету — ноль внимания. Написал записку: «Проснешься — зайди».

Наш Мул был человек не подлый, а, наоборот, очень симпатичный. Но у каждого бывают недостатки. Поэтому, видимо, в 1959 году пришло время его поменять. Больно он ребятам не нравился тогда. А то, что Симоняна, едва закончившего карьеру игрока, на его место назначили — так тут, по-моему, сыграл роль председатель российского совета «Спартака» Алексей Абуков, из Кабардино-Балкарии, мужик высочайшего класса. Он влюбился в Симоняна как в личность, когда ездил с нами в Южную Америку в 1959-м, был руководителем делегации. И инициатива назначить Симоняна, думаю, принадлежала ему, а Николай Петрович ее поддержал.

Перестроиться по отношению к Никите, начать воспринимать его как тренера, конечно, было непросто. Со своей стороны я видел задачу в том, чтобы не подвести тандем Симонян — Дементьев, с каждым из которых я играл. Тот же Никита многому меня научил и в жизни, и в футболе. Очень благодарен ему. Все, что у меня было — это от него и Боброва.

Симонян был нашим вожаком, капитаном его не зря избирали. Но как тренер, конечно, первое время он учился у Дементьева — у Тимофеича-то определенный опыт уже был. Тренировки на первых порах проводил именно он. А Симонян участвовал в занятиях наряду со всеми — сколько мы бегали, столько и Никита. Проверял нагрузки, возможно. А потом уже сам стал нас тренировать.

Заставить себя называть Симоняна по имени-отчеству, разумеется, было непросто. Нетто так этого делать и не стал. А я называл его Никитой, только когда рядом никого не было. В иных случаях — Палычем.

Слабых людей, падких до власти, такая ситуация меняет. Симонян остался таким же, каким был. При этом очень внимательным к своему профессиональному росту. У многих людей спрашивал

мнение, особенно после матчей. Никогда не был самодуром, прислушивался, анализировал.

Но придумывал он и что-то свое, ни на кого не похожее. Однажды они с Дементьевым по-новому провели теоретическое занятие. Написали билеты — и мы должны были их тянуть и отвечать на вопрос, вроде экзамена. Откуда они это взяли — не знаю. Мне, помню, достался вопрос, что для нападающего легче — когда соперник в обороне использует персональную опеку или так, как за рубежом — зонную, с подстраховкой и передачей игрока. И я ответил правильно: легче персоналка. Обыграл одного — и путь к воротам открыт. А при зоне одного обыграешь — второй тут как тут. Выдержал экзамен. Но ведь и по сей день с различными модификациями все зону играют!

Я в чемпионском 1962-м по решению Симоняна перестал попадать в состав, и в ситуации вроде такой обидеться может каждый. Игрок же сам себя не видит! А тем более в те времена было мало записей игр. И когда меня упрекали в том, что не успевал, опаздывал, мало двигался — я не верил, артачился. А потом посмотрел какую-то игру — и сдался. Сам сказал, что время пришло. Тем более что как раз начал вовсю раскрываться талант Гили Хусаинова. Его стали ставить, и мне места не оказалось. Все было справедливо. Но никто меня не выгонял, и я сам по приглашению кумира детства Анатолия Акимова ушел к нему в «Шинник».

А с Никитой Палычем мы какими друзьями были, такими и остались. И потом еще не один год работали вместе, о чем расскажу позже. Это доказывает, что в любой ситуации есть возможность остаться человеком и сохранить прекрасные отношения.

Вот Бесков — он совсем другой был. Мы же с ним работали восемь месяцев в 1977 году. Все время унижить меня хотел. Я чувствовал себя свободным и работал свободно, как принято было всегда у нас в «Спартаке». До тренировки выходил с пацанами — Хидиятуллиным и Валерием Глушаковым¹. Те видели, что я могу с мячом делать, — и признали меня. Работалось с ними в удовольствие.

¹ Чемпион СССР-1979, дядя чемпиона России-2017 Дениса Глушакова.

Отдал как-то Вагизу пас «черпачком». И вдруг подходит Бесков:
— Ты чего поле портишь?

А я даже не в бутсах был, а в тапочках! Отвечаю ему:

— Вы серьезно или шутите?

И пошло-поехало...

Мы перед тренировкой выходили на полчаса раньше, ставили жесткие барьеры и с Глушаковым отдавали друг другу передачи — он пятнадцать, и я столько же. Нужно было четко попадать в середину под барьером, чтобы мяч не коснулся земли. Вдруг сзади подходит Бесков:

— Разве так бьют?

— Пожалуйста, — говорю ему, — ударьте, как бьют.

Он бьет — и не попадает. И еще раз — то же самое.

— Один-ноль веду, — подначил я.

— Ты сколько сделал ударов?

— Три.

— А я — два.

Бьет третий, снова не попадает. Я уже завелся.

— Вот как надо бить! — говорю. И кладу с левой ноги дважды подряд. Но Бескову хоть к чему-нибудь, да надо прицепиться:

— А почему ты с левой бьешь?

Закончилось все это после августовского матча с «Тереком». Бесков по натуре был трус. Были трудности с составом, и собрался тренерский совет, в который из числа игроков входили Ловчев, Папаев, Прохоров, Кокарев и кто-то еще. Они проголосовали за тот состав, который назвал Константин Иванович. Он ко мне:

— Ну ты-то можешь что-нибудь сказать?

— Почему же не могу? Могу. — И выхожу к макету. — Мы — «Спартак», нас уважает соперник, и мы должны ставить задачу атаковать. Вы поставили Ловчева левым защитником, а в центр полузащиты — Ноздрина. Но в этом случае Ловчева легче будет перекрыть, так как подключаться он будет только по своему флангу. От Ноздрина же впереди опасности не возникнет. А вот если Ноздрина поставить слева в защите, а Ловчева — центральным хавбеком, то Евгений сможет неожиданно врываться в зоны и слева, и справа. Будет разнообразие, при котором противнику будет труднее сориентироваться.

И сел. Минуты две была пауза, все молчали. Бесков сидел красный как помидор. Ему же никогда и никто слова поперек не мог сказать, а тут я свою схему назвал, да еще и при всех, — это вообще преступление!

Но я привык так в «Спартаке» работать — честно говорить, что думаю по тому или иному поводу. А задача главного тренера — выслушать все предложения и выбрать лучший вариант. Когда мы с Симоняном работали, было именно так. Демократия! А тут высказал свое мнение — и сторел из-за этого. Бескова же подхалимы окружали: «Константин Иванович сказал, Константин Иванович попросил...» Все совсем по-другому. «Спартак» и «Динамо».

А в той ситуации Бесков вдруг говорит:

— Ну хорошо, состав, который назвал Исаев, будет играть.

Я чуть со стула не свалился. И мы выигрываем 5:1! Ловчев участвует в первом и последнем голах. Приезжаем в Тарасовку в одиннадцать вечера. Говорю ребятам, чтобы готовились ко сну, а тут как раз Бесков на балкон второго этажа выходит. Спускается ко мне и спрашивает:

— Тебе Старостин ничего не говорил?

— Нет.

— Ну, ты же понимаешь, у нас с тобой...

— Все понял, Константин Иванович, — говорю. — Дальше не надо продолжать.

Пошел, забрал шмотки и уехал. И подумал: «Дурак я, зачем мне вообще нужно было работать с ним?» Он идет, а народ, как его заводит, разбегается. Иначе начнет: не то надел, не так причесался... У нас в «Спартаке» таких людей отродясь не было.

Тогда ведь ребят после ухода Крутикова и прихода Бескова спросили, кого из помощников оставить — Хусаинова или Исаева. Игроки проголосовали за меня. Он меня взял, но ни к тактике, ни к чему-то еще не подпускал. Взял Бесков сначала и Юрия Морозова, но уже на первых сборах его убрал. На каком-то разборе Морозов начал говорить о том, как должен играть центральный защитник, и Бесков сказал:

— Слушай, друг, как будет центральный защитник играть — говорить буду я, а не ты.

И больше Морозова в команде не видели.

Однажды, когда я еще работал, в Тарасовку приехал Качалин. А мы с Бесковым на противоположных сторонах тренировочного поля стоим. Подзывает:

— Анатолий, как дела? Как у вас отношения с Бесковым?

— Вот такие, — говорю, — отношения: он на той стороне, а я на этой. Как вы могли вообще его в сборную взять?

Он никого не уважал. Считал себя выше собеседника в любой ситуации.

А может, Бесков мне припоминал ситуацию 1955 года, когда мы в Индии к мельбурнской Олимпиаде на жаре готовились. После травмы накануне игры выхожу проверить ногу — что могу делать, что нет. Качалин разрешил мне тренироваться индивидуально. А Бесков в общую группу зовет!

Я ему объясняю. Он не слушает:

— Иди в группу!

А после тренировки еще и говорит:

— А теперь сделай два круга пробежки и все мячи в авоську собери!

Я продолжаю по инерции вести мяч — до Бескова-то еще пол-круга осталось. Он как рявкнет:

— Кому сказал!

И я, заведенный, как засадил ему мячом! Хорошо, что попал в ноги, а не куда-то еще. И побежал дальше.

Потом он вызвал меня на беседу, я извинился, снова все объяснил. Но вот простил ли меня Бесков в той ситуации — не знаю. Не уверен. А я просто люблю справедливость, если же сталкиваюсь с хамством — не могу терпеть и стараюсь это как-то показать.

Хотя, когда я помогал Симоняну в Ереване, мы с Бесковым встречались, угощали его, шутки-прибаутки — словом, все хорошо было. А в «Спартак» пришел — никакого контакта! Никогда не советовался. И ломать начал все спартаковское — из школы Осянина убрал...

А Николай Петрович его вообще ненавидел. Бывало, приду к Деду, а он вздыхает:

— Анатолий, ты представляешь, динамовцы окружили везде. Председатель «Спартака» — динамовец, старший тренер — тоже. Врачи, массажисты, администраторы...

А для Старостина «Динамо» — это самое большое бельмо в глазу. Как он нас на них настраивал!..

И к нам такое же отношение было. Тот же Якушин «Спартак» не переносил. И даже Аркадьев из ЦДКА при всей своей интеллигентности называл нас «эти мотыльки ночные: сегодня полетали, а завтра их нет вообще». В олимпийской сборной Якушин мог меня на игру не поставить, а Качалин через неделю за первую сборную — ставил с первых минут.

Вот Гавриил Дмитриевич — чудесный человек был. Но вряд ли Старостин мог Качалина в «Спартак» пригласить. Тот — интеллигент, а Николай Петрович рубил правду-матку, так сказать, по-чапаевски — недаром его Чапаем прозвали. И потом, он хотел управлять ситуацией в команде, а Качалин управлять собой не позволил бы.

Николай Петрович вернулся в команду в 1955-м, после заключения. Очень неожиданно. Приехали в Тарасовку, а там заваруха — снимают Соколова. И приезжает Старостин — помню, в широких брюках болотного цвета. Прошелся строевым шагом по нашей комнате, присел...

До него начальником команды был некто Дурнев, стрелок. По-моему, он был чемпионом мира по стрельбе¹. Запомнился тем, что на какие-то торжественные церемонии, где спортсменам вручали правительственные и еще какие-то награды, всегда с чемоданом медалей за свои стрелковые победы приходил и надевал их — в ожидании, что его вызовут. А ни один из нас не напяливал ни одной своей медали. Он же как новогодняя елка был.

Но его никто не вызывал! Нет, ничего плохого этот человек нам в общем-то не сделал. Однако и хорошего — тоже. Время он тратил на то, что главы истории КПСС наизусть заучивал. Мы втихую смеялись над ним, не воспринимали его совершенно. А потом пришел Николай Петрович, фигура по-настоящему авторитетная. Про Дурнева мы тут же и забыли.

¹ На то время — чемпион СССР. Чемпионом мира по стендовой стрельбе Николай Дурнев стал позже.

Я о Старостине был так наслышан! Чем дольше он отсутствовал в «Спартаке» — тем больше ходило легенд. Что ногу ему перебинтовывали, поскольку он ударом с этой ноги штанги ломает, и так далее. Мы потом все пытались уговорить, чтобы он вышел на поле и показал что-то. А он нас стеснялся. Потом уже говорил:

— Играл я плохо. Просто хорошо бежал и лупил с правой ноги, куда попаду...

Ни разу при нас на поле не вышел! Андрей Петрович — тот выходил, бил. А Николай — нет.

До их возвращения мы, конечно, знали, что они сидят — правда, не были в курсе, за что именно. Потом Николай Петрович много историй рассказывал — как, допустим, он на пересылке был, где не кормили вообще. И если бы не воры — не выжил бы. Он им стихи читал, много историй, в том числе футбольных, рассказывал — и они с ним едой делились.

Рассказывал и о том, как было в «Спартаке» до войны. Как на игру они приезжали на кабриолетах, с открытым верхом. Видимо, тогда и стали клуб ненавидеть за такой образ жизни. Большинство за нас болело — но многие и ненавидели. Особенно торпедовцы. Вот Лидия Гавриловна, жена Валентина Козьмича Иванова, до сих пор «Спартак» ненавидит! К нам, отдельным футболистам, с уважением относится, но общество — терпеть не может!

С каким «аппетитом» мы все Старостиных слушали! Причем разговаривали братья совершенно по-разному. Андрей Петрович мудреные, литературные слова подбирал. А Николай Петрович бил прямой наводкой, в лоб. Как говорится, по рабоче-крестьянски. Первое время он так настраивал на матчи, что мы просто срывались с места, готовые рвать всех.

Рассказывал, как Василий Сталин привез его в Москву, когда он еще должен был в заключении находиться — и тогда единственный раз в жизни Николай Петрович вынужден был выпить с ним стакан водки. С тех пор он только на поминках по своей супруге, Антонине Андреевне, дома употребил немножко красного вина. И сказал:

— Да не сидите вы здесь с грустными лицами! А вспоминайте самое хорошее о ней. Можете даже петь, чтобы поминки были веселыми.

На братьев Андрея и Александра, которые, наоборот, выпить были не дураки, он Симоняну жаловался:

— Никита, вчера были два брата. Запас, что был, весь уничтожили!

Как он ради «Спартака» с утра до вечера горбатился, квартиры пробивал и все остальное! Глотку за нас мог перегрызть где угодно. На спортивно-технической комиссии — это вроде нынешнего КДК — защищал игроков, как заправский адвокат: всегда найдет вариант, чтобы оправдать, даже в безнадежных ситуациях! Ему достаточно было снять трубку и сказать, что звонит Николай Старостин, начальник команды «Спартак» — и открывалась любая дверь. По масштабу он государственным деятелем был и мог очень больших высот достичь.

Но вот любил футбол и «Спартак» — и не мог без них жить. Он же не обедал — так был делом увлечен! Шофер принесет ему булку и какой-нибудь воды. Запьет — и дальше работать. И только в день игры, когда установка, он приезжал в Тарасовку и там обедал. Иногда думается: «Как при таком режиме работы столько прожил?» Но ведь он в заключении суровую закалку прошел, и отсутствие обедов для него — это была ерунда.

Мы, игроки, на него тоже влияли. Особенно Сальников, который даже гордился слухами, что он — внебрачный сын Старостина. В первую очередь благодаря Сергею Николай Петрович научился кое-чему из моды. Мы укоротили ему брюки, и вообще Чапай стал выглядеть гораздо лучше, чем в то время, когда вернулся из лагеря.

Политикой он нам, игрокам, головы не забивал. А ведь время было такое, что от нее, казалось, никуда не деться. Когда в 1956 году в гостях играли товарищеский (!) матч со сборной ФРГ, у нас была установка в... лесу. Там лежало дерево, те, кто в стартовом составе, сели на него, а запасные стояли. Кагэбэшник ходил вокруг и искал, не подслушивает ли кто нашу установку. Обалдеть! Ну кому она была нужна?! А немцы — те нормальными ребятами были. Их главная звезда, Фриц Вальтер, — порядочный мужик, совсем не пижон и не подлец. Но как же нас перед матчами с ними накручивали!..

А в «Спартаке» такого не было. Старостин очень трезво ко всему относился и был человеком дела, а не внешних эффектов. Помню, в 1955-м мы играли хорошо, особенно в международных матчах.

И однажды вдруг вызвал нас Яснов Михаил Алексеевич, председатель Мосгорисполкома, — это как мэр Москвы сейчас. Всего пять минут побеседовал с нами, расчеркнулся на бумаге — и пять человек, Паршин, Огоньков, Тищенко, Татушин и я, получили квартиры в одном доме на «Красносельской». Квартиры, конечно, слабые — двадцать восемь метров, со смежными комнатами. Но учитывая, что жил я до этого в 14-метровой квартире, вшестером, вместе с родителями, сестрой, ее мужем и дочерью, а спал я на сундуке, а иногда и под столом — это вообще сказка была.

А ведь Старостин, который нам все это и пробил, к тому времени едва из заключения вернулся! Но вот так он умел убеждать. Мы гордились своим начальником команды.

Феномен «Спартак» 1950-х, думаю, заключался в первую очередь в отличном подборе игроков, которые дополняли друг друга и по мастерству, и по характеру. Мы уже столько лет дружим — Пармонов, Симонян, Ильин, я... И если бы Гуляев, как вначале, не особо руководил нами, а, скорее, присутствовал — он бы долго-долго проработал. Но на волне успехов начал выпендриваться, меньше общаться с игроками — и получил по заслугам в ответ.

Коллектив у нас был отличный. Отыграем матч — и идем на восстановительные мероприятия в Центральные бани: массаж, парилка. А потом все вместе — в «Арагви», там недалеко. Замдиректора ресторана Владимир Лукич был нашим фанатичным болельщиком. Дверь в его комнату всегда была открыта, он видел, кто приходит в ресторан, кто уходит. Как только замечал нас — пулей выскакивал и вел нас в отдельный кабинет на десять человек. И мы там обедали, разбирали игры — лучше, чем любой Гуляев. Каждый эпизод, любую претензию друг к другу высказывали вслух — и докапывались до истины. То, что потом Николай Алексеевич говорил, было второстепенным: мы уже все к тому времени понимали. Ходили туда все, кроме Пармонова. Почему его не бывало — не знаю, но он как-то в этом смысле особняком держался.

Не сказать, что в том «Спартаке» много пили, но бывало. Играли как-то в Турции с «Бешикташем», а до этого было еще две

игры. Татушин, Огоньков, Тищенко и Масленкин не выдержали — и вечером накануне матча играли в номере в преферанс под определенными напитками. Бутылки, правда, успели убрать.

А Масленкин — он же глуховат. Так заходят Старостин с Гуляевым, встают за его спиной, а Толя как раз берет свой прикуп. Развернул карты — и тут Чапай ему руку на плечо кладет. Масленкин, не глядя, говорит:

— Пас! Вы не видите, что я занят?

Все грохнули. Толя поворачивается — а там Николай Петрович. Масленкин схватился за голову, а тот так спокойненько:

— Ребята, уже половина двенадцатого, пора спать! Завтра тяжелая игра.

Может, Старостин и учуял, что Масленкин выпивши, но виду не подал. А Гуляев ничего не заметил.

Толя вообще говорил, что выпивает перед игрой для стимуляции. А там жара и влажность просто страшные! После матча спрашиваем:

— Ну как ты себя чувствовал?

— Сначала так тяжело было, думал — забивайте сколько хотите! Но когда мы открыли счет, решил: фигушки, не пройдет. И играл уже вовсю.

Так и закончили — 1:0.

Старостину Гуляев был очень удобен — все, что Дед ни скажет, выполнял. Своего-то мало было — вот к Николаю Петровичу и прислушивался. Ну и нами был доволен, потому что по характеру у нас все были хорошие люди, без пижонства. Считаю, что «Спартак» был самой демократичной командой, самой доступной. Взять хотя бы то, что в другом клубе попробуй кто-нибудь из молодых зайти в автобус! У каждого свое место было, и пока основной состав не сядет — не думай даже влезать туда! А в «Спартаке» кто куда хотел, тот туда и садился.

И тот же Нетто, при всем своем авторитете, совершенно нормальный человек был. Да, «пихал», но был очень отходчивым. И никто на него вообще не обижался, потому что он полностью отдавался игре. Пусть ворчал — но всегда бежал назад свою работу выполнять. Мы все как братья были. Правда, бывало, что капитаном мы выбирали то его, то Симоняна. Никита мог подойти, строго

спросить, а Игорь наворчит, обзовет «деревней»... И мы их в роли капитана чередовали.

К послефутбольной жизни Нетто оказался не приспособлен. Вида, что ему очень плохо, не показывал — но его старались поддерживать, с ветеранами на матчи брали, чтобы заработал немного. Ловчев подарил ему машину — но она так и сгнила около дома, хотя ездить он умел. Ну и болезнь его добила — все забывал. И Гиля Хусаинов ушел так же...

Состав 1950-х — это такие личности были! Даже из числа не самых ярких, казалось бы, игроков. Взять того же Николая Тищенко. Мы до сих пор сами поражаемся, как он в том полуфинале против болгар в Мельбурне с переломом ключицы не просто на поле остался, но и во второй голевой комбинации поучаствовал. Он тогда пришел в перерыве, попросил уколоть и прибинтовать руку к телу — и обратно!

Только Николай Иванович мог так сделать! Это был отличный человек, которого, к сожалению, в пятьдесят четыре года сердечко подвело. Из таких передряг он порой выходил! Как-то раз Тищенко попал в страшнейшую автокатастрофу. Ветераны играли в Рязани и возвращались оттуда ночью под дождем. Машина из-за скользкой дороги съехала на обочину, закрутилась — и Тищенко вылетел через лобовое стекло. Вылезли остальные — Николая Ивановича нет. Темнота, ничего не видно. Начали кричать. Он из кювета слышал их голоса, но крикнуть в ответ не мог. Когда его нашли — сандали в одной стороне, он в другой.

Следом ехала вторая машина с ветеранами — его посадили в нее и довезли до Люберец. Вышел из машины и пошел до больницы сам. А у него был перелом тазобедренного сустава, сзади скальп снят, весь в ушибах — и так далее. Но в больницу он должен был войти сам! Мы с его женой, которая мне обо всем рассказала, в семь утра к нему приехали — благо жили на одной лестничной клетке. Приходим — а он сидит, дымит. Лежать ему нельзя было. Весь забинтован — и только сигарета «Дымок», или, как он ее называл, «Дымстон», из зубов торчит.

Железный был человек. И сверхпорядочный. Но не всем нравилось, что он правду в глаза говорил. Был директором спартаковской школы, но потом его сняли — городской совет «Спартака» критиковал...

Золотой гол в Мельбурне — это вообще отдельная тема. Я-то и тогда был, и сейчас абсолютно уверен, что не Ильина тот мяч, а мой. Видел, что Толя его уже за линией ворот коснулся. Помню, подбежал к нему и сказал:

— Молодец, что подстраховал!

А все подумали, что он этот гол забил.

Ну и ладно, думаю, главное, что победу одержали, а кто забил — не важно. А обидно стало, когда Ильин получил орден «Знак Почета», а я — ничего. Хотя и первый гол на Олимпиаде забил, и последний. Если бы попер — может, что-то и поменяли бы. Но не стал.

Мало того, мы выступали перед какой-то аудиторией после Игр, и он хоть бы упомянул про меня! Пусть не говорил бы, что гол — мой, ну хоть «Исаев сделал удар головой, а я внес его в ворота». Но ни про меня, ни про Татушина, проскочившего по правому краю и сделавшего мне передачу, — вообще ни слова. А у меня ведь очень непростая задача была — в прыжке затылком через стоявшего у ближней штанги вратаря в дальний угол мяч перевести...

Впрочем, это его дело. Даже Валька Иванов с женой Толю спрашивали:

— Ну почему ты молчишь?

— Все говорят, что гол я забил, так чего мне встравать?

Ладно...

Нетто, Симонян, Ильин и Тищенко за то золото получили по машине «Победа». А мы, кто помоложе, — «Москвичи». Я уже после Олимпиады водить научился. Как Шумахер водил — медленно не мог ездить. Но и машин было мало, и реакция хорошая — так что все без эксцессов обходилось.

А как нас, когда мы на поезде из Владивостока в Москву ехали, люди встречали! Одна бабка прибежала с ведром спирта: «Где здесь Яшин?» Не взять его Лева не мог — людей уважить нужно было¹.

С Яшиным мы жили в Мельбурне в одном номере. У нас были отличные отношения. В день открытия, 22 ноября, мы как раз де-

¹ Эта история по рассказам ее свидетелей наиболее известна в варианте «старик с бородой, принесший лично Яшину байкальского омуля». Однако нельзя исключать и других подобных эпизодов, которые могли произойти за время долгого путешествия через всю страну (в том числе и «бабка с ведром спирта»).

журными остались. Жара страшная, люди в обморок от солнечного удара падали, — и Качалин нас севой пожалел. Пошло на пользу — я первый гол забил. Дружеские отношения у нас до конца Левинной жизни сохранились. Мы с Симоняном к нему приехали, когда он уже умирал, две недели оставалось. Позвонила Валентина Тимофеевна, пригласила прийти попрощаться...

Во время того полуфинала Олимпиады, когда Тищенко свой подвиг совершил, мы с Симоняном и Ильиным на скамейке между собой тревожными мыслями делились. В 1952-м за поражение от югославов разогнали «команду лейтенантов», а теперь, если бы проиграли болгарам, составлявший основу сборной «Спартак» может та же участь постигнуть. При 0:1 об этом как-то сразу подумалось.

Мы ощущали это давление. И, когда пропустили, сразу 1952-й вспомнился. Хорошо, что не только сравнивали, но и победный забивали. Серебряные медали уже гарантировали, что «Спартак» не разгонят...

А во время отборочного турнира той Олимпиады забавный эпизод случился. Правда, смешно о нем сейчас вспоминать, а тогда... Поехали на матч в Израиль. Никаких заградительных барьеров там не было — поле и трибуна. И полицейские с собаками стоят. Веду мяч в середине поля, соперников вокруг нет — и вдруг стадион как заорет! Поворачиваюсь — а прямо на меня бульдог скачет. Намордник соскочил, морда слюной истекает, разорвать готов. Я успел ткнуть мяч в сторону — и метнулся к скамейке запасных, которая, к счастью, близко была. Бульдог среагировал на мяч и стал терзать его. Андрей Петрович Старостин в своей книге допустил художественное преувеличение — мол, Исаев такую скорость развил, что ни одна собака не могла догнать.

А могло быть хуже Рогова. Тогда, в финале Кубка СССР 1957 года, «Локомотив» у нас бы ни за что не выиграл, хотя они в то время и занимали второе место. И победили только потому, что излупили нас. Евгений Рогов, костолом из костоломов, нанес мне тяжелейшую травму — меня увезли на «Скорой» в больницу. Я полгода не ходил. А еще этот же Рогов сломал Ильина, Симоняна, Сальникова и Огонькова. Пятерых за один матч!

Просто наглый тип. Мы же были с ним в ВВС, знаю, что он собой представлял. Жили в общежитии в Тушине, и я видел, как они с еще

одним таким же, Колей из Подлипков, насмехались над людьми, которых добивали в игре. Рогов с упоением, в красках рассказывал, как врезал одному, другому, третьему. Такое впечатление, что это доставляло ему какое-то садистское удовольствие. Ну как же так можно? Это же твой коллега, вы один хлеб едите!

Один раз я всего за весь тот финал на его фланге появился... Хоть знал, но не мог подумать, что он прыгнет на меня двумя ногами и вывернет голеностоп. Я пас-то уже отдал. А Рогов даже не извинился, будто так и надо. Главное — замены-то были запрещены. Меня в госпиталь увезли, Сальникову ребро сломали, но и он, и остальные трое на поле остались.

Думаю, это костоломство было его личной инициативой. Он просто иначе не мог играть — ни скорости, ни роста, на обзьяну был похож. По сравнению с ним динамовцы семидесятых годов, Новиков и Никулин, — корректнейшие игроки. И самое интересное, что Рогова после того финала даже не дисквалифицировали, потому что федерацию возглавлял Антипенков, бывший председатель центрального совета общества «Локомотив».

С Роговым с тех пор мы никогда не общались, а травма та стала для меня роковой. Нет, еще пять лет в «Спартаке» играл, но скорее — уже доигрывал. Нога болела, на голеностопе образовались шипы, делал уколы перед играми, чтобы боль снять.

Но хромаю я сейчас не из-за этого. В позвоночнике стертые диски, тазобедренный сустав плох... Выпиваю с утра шесть таблеток — и вперед. Заставляю себя ходить пешком каждый день и, когда предлагают подвезти на машине, — отказываюсь. И вот после инфарктов, а было их у меня два, живу уже восемнадцать лет. Первый раз прихватило, когда сидели в Спорткомитете. «Скорая» приехала только через пятьдесят минут, я уже умирал: кардиограмма была — прочерк на весь лист. Всадили укол — и в машину. Симонян попросил, чтобы отвезли куда-нибудь поближе.

Повезло, что дежурила заведующая реанимационным отделением Ирина Петровна. Ей сказали, что я олимпийский чемпион. Мол, имейте в виду — и так далее. Так она всю ночь не отходила от меня, все время била по щекам.

Врачи думали, что не доживу до утра...

С деньгами у «Спартака» всегда было туговато. Зарплату получали, а вот чтобы премиальные выдать — с таким количеством инстанций надо было это согласовывать! Помню, только один раз щедро вознаградили. В 1958-м играли финал Кубка — и была такая организация «Центросоюз» во главе с руководителем по фамилии Климов. Перед игрой он вдруг появился в Тарасовке немного «под градусом» — и сказал, что, если выиграем, каждый получит премию в размере месячного оклада.

2 ноября мы обыграли «Торпедо» — и на следующий же день приехали к нему и получили деньги. Он оказался человеком слова и подключил горком партии. А вот чтобы от обычных профсоюзов получить премиальные, нужно было месяца два ждать.

Я всегда считал, что профсоюзы — вредители для футбола и спорта вообще. Присосались к «Спартаку», никакой конкретной помощи ему не оказывают — зато спрос! После победы в чемпионате Союза 1969 года нам дали поощрительную поездку в Сирию, Ливан и Иорданию. Одну игру, Сирии, мы проиграли — 0:3. Должны были забить голов десять — ну вот не лезло. Бывает такое. Вратарь у нас был — метр с кепкой, до перекладины не доставал.

Возвращаемся домой, а тут скандал. Чемпион СССР проиграл какой-то Сирии! Профсоюзы выносят выговоры Старостину, Симоняну, Исаеву. Из-за товарищеской игры — притом что мы чемпионат выиграли!

Узнал об этом помощник Брежнева. Они вместе во время войны служили, у него не было руки, а болел он за «Спартак». И он рассказал Леониду Ильичу, что над спартаковцами издеваются, надо им помочь. Он дал указание — и нас пригласили в горком партии. А туда обычно звали не благодарить, а песочить. Заходим туда вчетвером — Николай Петрович, Никита Палыч, я и капитан Гиля Хусаинов. Ожидания мрачные.

И вдруг с нами так уважительно начинают беседовать, что мы понять ничего не можем, переглядываемся! Говорят, что нам нужно построить новое здание базы, а то старое, деревянное, уже никуда не годится. А в конце раздают список на премиальные — опять же, по окладу. Так нас защитили.

А вот когда профсоюзный деятель Богатиков решил снять Старостина в конце 1975 года, нам уже никто помочь не смог. Профсоюзы были против Старостина всю жизнь. Не знаю почему — видимо, в связи с тем, что он все без их участия делал, через свои связи в Моссовете и так далее. Профсоюзы — они ведь сделать толком не могли ничего. Зато как ругать — так они первые. И сколько их водилось! ВЦСПС, МГСПС, Облсовпроф... И каждому что-то от нас было надо.

В «Шиннике» мне довелось и против «Спартака» сыграть. На Кубок, в 1963-м, когда спартаковцы в итоге турнир и выиграли. На предыдущем этапе мы «Волгу» обыграли 3:1, я дубль сделал. А после игры в раздевалку заходит знаменитый спартаковский болельщик, актер Михал Михалыч Яншин — у него в Ярославле тогда гастроли были. И говорит:

— Спасибо, Анатолий! И должен заметить, что «Спартаку» неприятно придется — ты два таких мяча положил!

— Михал Михалыч, против «Спартака» играть не буду, — отвечаю я.

— Как не будешь?!

— Ну даже представить себе не могу, что против родной команды на поле выйду.

Когда «Спартак» приехал — и Симоняну то же самое сказал. И Акимову, когда тот пришел со мной по составу советоваться. Он взмолился:

— Выйди, прошу тебя, чтобы народ получил удовольствие!

Короче, уговорил. Игра была боевая, хоть мы и проиграли. Но «спартачи» после матча стали меня подначивать. Чапай говорит Симоняну:

— Никита, я ничего не могу понять: Исаев вышел на такую отличную позицию и с левой ноги не стал бить, ты заметил?

— Заметил. Да он вообще отказывался играть!

Но игра на самом деле была честной и красивой. На следующий день мы с директором шинного завода Владимиром Петровичем Чесноковым, Героем Соцтруда, стали матч обсуждать. Он сказал, что поздравляет меня с блестящей игрой: не важно, что проиграли,

зато такой футбол показали, что народ в восторге. А потом к Вале Ивакину обращается:

— Ты знаешь, мы с женой всю ночь не спали, думали, что бы сделать, чтобы мячи от тебя не отскакивали! У нас на заводе есть канифоль, может, тебе ею перчатки смазывать?

Вот такой он был, директор, с чувством юмора. А Валя тогда после подачи углового мяч не достал, и Юрка Севидов дальнюю штангу замкнул — потому Чесноков так и высказался. Но без зла совершенно. В тот год мы с «Шинником» в высшую лигу вышли, и в 1964-м я еще раз сыграл против «Спартака». Болельщики меня очень хорошо встречали, слова худого никто не сказал.

В том же году, когда я еще заканчивал в Ярославле, Симонян спросил, не хочу ли потрудиться в спартаковской школе. Да с удовольствием! Два года, 1965-й и 1966-й, проработал там. И моя команда, 1949 года рождения, сразу чемпионом Союза в своем возрасте стала. Вратарем в ней был Илья Ивиницкий, позже — директор школы «Спартака».

Жил я на «Красносельской», а трехэтажное здание городского совета «Спартака» было напротив, через дорогу. И я часто бывал у Старостина, беседовал с ним. В 1967-м сидим однажды — и вдруг приезжает Симонян. А там у него были сложности с одним из помощников — и они, посоветовавшись, предложили это место мне. Пришел 22 июня — такую дату не запомнить трудно. Так и начали вместе работать.

Споры у нас бывали, конечно. Но он мне доверял, поскольку знал мою порядочность, то, что я его никогда не подведу. И, если что, скажу все в глаза.

Старался его не огорчать. Когда он поехал в Сухуми отца хоронить, я остался за главного в матче против тбилисского «Динамо». С нами работал еще и Сальников. Провожу установку, подходит Серега и говорит:

— Анатолий, ну ладно, установку мы сделали, тбилисцев обыграем, я поехал.

— Куда? Ты что? Такая игра!

— Ветераны сегодня играют, я поеду...

— Серега, я тебе свои деньги отдам, какие ты там заработаешь, только, ради бога, останься. Полный стадион ведь будет — тбилисское «Динамо» же, не абы кто!

Сальников классный парень был, но жадноватый до денег. Все равно уехал. А мы — выиграли. Потом Никита Палыч сильно удивился, узнав, как все было.

На тренерских советах мы совещались очень демократично, но последнее слово оставалось за Симоняном. Хотя иногда получалось его переубедить. Помню, была ситуация с Папаевым, индивидуально очень сильным игроком. В 1969-м решающий матч у нас был в Киеве. В день игры приезжает Старостин, спрашивает, какой будет состав. Мы отвечаем, что провели анкетирование ребят и Папаев не попадает в состав. А Николай Петрович, который обожал Витю, вдруг заявляет:

— Ха, анкетирование! А кто вообще сказал, что оно нужно?

И пошел убеждать ребят по новой.

Приходит Андрей Петрович. Дед ему говорит:

— Андрей, ты видишь тут вообще команду? Они Папаева не поставили!

— Что? Папаева?!

Короче, пошли они вдвоем, сагитировали футболистов — Витя все-таки попал в состав. И ведь оказались правы! При 1:0 в нашу пользу и диком киевском штурме он, можно сказать, вытащил матч. Взял игру на себя — и как начал их валтузить! Они с бешеными глазами летели на него, а он под себя одного уберет, второго, третьего, мяч придержит. Так и сбил им игру.

А убрали нас с Симоняном из «Спартака» в 1972 году, когда я на первом курсе Высшей школы тренеров учился. Освободили за то, что мы в финал Кубка не вышли. В том матче с торпедовцами «Спартак» засудили. Пискарев при ничейном счете забил потрясающий мяч, стоя спиной к воротам. А помощник судьи, Казаков, поднял флажок, хотя Андреев, который в пассивном офсайде был, вообще с другой стороны стоял и никому не мешал. Главный арбитр Лукьянов хотел засчитать, но Казаков отменил. Команда проиграла по пенальти, а нас сняли с должностей. Я подумал: «Надо же, в институт поступил — и тут же освободили...»

Но мы с Никитой Палычем еще в «Арарате» вместе поработали. Хотя там, конечно, с местной спецификой непросто было. Но и Симонян мне многое объяснил, и сам я авторитет завоевал: когда Никита в составе группы советских тренеров уехал на чемпионат мира

1974 года в ФРГ, мы несколько матчей выиграли. И ребята, когда между ними споры начинались, ко мне как к третьей стороне обращались со своим армянским акцентом:

— Канстантинич, разбэрис!

Потом я опять работал в школе, затем Гуляеву в первой команде помогал. А в конце 1975-го и его убрали, и Старостина. Команду возглавил Крутиков, и пригласил меня, сказав, что нужно просматривать соперников «Спартака» и докладывать ему о них перед каждым матчем.

Они с Хусаиновым работали вдвоем, я на поле с ними не тренировал вообще. Да, членом тренерского штаба был, но Крутиков с Гилей — близкие люди, дружили семьями и решали все без моего участия.

Крутиков, еще будучи игроком, ко мне, второму тренеру, подходил:

— Анатолий, ну что вы нам каждый день даете одно и то же? Вы можете подобрать какие-то интересные упражнения на каждую тренировку?

— Слушай, — отвечал я, — тебе играть осталось немножко. Станешь тренером, тогда и будешь импровизировать. Какие хочешь упражнения придумывай, твори!

И вот ему дали команду. Ни одной тренировки он не провел, работал все время Гиля. А Крутиков ходил по полю туда-сюда — и все. Это просто фантастика была! И так хотелось ему сказать: «Ну что же ты, друг, столько разговоров вел? И где твоя импровизация?» Смотрел на эти тренировки, на то, как он говорит игроку «Вась, Петь, как тебя вообще там?», и думал: «Зачем я пошел туда?» Крутикову не хватало элементарных знаний. То, что он говорил, можно было и в детском саду услышать.

Когда он играл, у него были хорошая скорость, злость, характер. Сзади играл мощно и цепко, убежать от него никто не мог. Но подключения к атакам, которыми он был славен, меня не вдохновляли.

— Подключусь, — говорил он. — Для кухарок...

А смысл-то в том, чтобы или гол забить, или передачу результативную отдать. Но этого почти не было. С прямыми обязанностями

в защите Крутиков справлялся здорово. Вот только для того, чтобы справиться с должностью главного тренера «Спартака», этого недостаточно. Однако мы и сейчас общаемся; не друзья, конечно, но, когда видимся — подходим друг к другу, спрашиваем, как дела. Все-таки профессиональное не должно на личное переходить.

В 1976-м я пробыл в «Спартаке» не полный сезон. На сборы, в частности, не ездил. Вместо постоянной работы получались этикие командировки. Короче, вроде и был в штабе — а вроде и не был. Так что моим мнением, кроме как о соперниках, никто не интересовался.

Ну а потом назначили Бескова...

Однажды, уже в девяностых, я пришел в спартаковский клуб, который располагался в Первом Коптельском переулке. В здание меня не пустили. Там стоял какой-то оmonoвец на входе.

— Вы кто?

— Олимпийский чемпион Анатолий Исаев, — ответил я.

— К кому идете?

— В свой дом иду.

— Если вас никто не приглашал, — перекрыл он мне дорогу, — то и делать вам тут нечего.

Прибежали ребята из клуба — они видели эту сцену из окна:

— Ты кого не пускаешь?!

Год спустя пришел к Николаю Петровичу. Его при Романцеве уже отодвигали. И был там такой Есауленко, вице-президент. Я сел на втором этаже на диван, над которым фотографии спартаковских команд — чемпионов всех лет. И я там тоже есть. А тут Есауленко ко мне подходит и спрашивает:

— Вы из садоводческого товарищества?

Я растерялся: думал, что меня все-таки знают в «Спартаке».

Через какое-то время выходит женщина — и задает тот же вопрос. Мне так неудобно стало, и я ушел на первый этаж, к хозяйственникам. Тогда и понял, что «Спартак» для нас, ветеранов, становится чужим. А сейчас — тем более.

Наше поколение уважало спартаковцев, допустим, тридцатых годов, знало их. Это же наши люди, которые были чемпионами,

прославляли «Спартак»! А сейчас мы никакого отношения к «Спартаку» не имеем. Был когда-то тренерский совет, на котором мнением ветеранов интересовались, — но его взяли и уничтожили. Хотя что-то полезное мы, наверное, могли бы рассказать.

Тем не менее Романцеву нужно отдать должное. Контакта у нас не было никакого, но пенсию ветеранам он сделал по тем временам нормальную — 200 долларов. Мы ему были благодарны, что в такое трудное время поддержал. Это было, наверное, во второй половине девяностых. А впоследствии еще и президент страны сделал нам, олимпийским чемпионам, пенсию. Можно жить, елки-палки!

А вот в девяностых, особенно после инфарктов, было сложно. Жена, дочь... Как было крутиться? Откуда деньги доставать — в моем-то состоянии? Сейчас дочь работает в туристической фирме, все нормально. И у меня какие-никакие деньги появились. Вот только годы уже подпирают.

Хорошо, что, когда заболел, не остался один. Ко мне в больницу приходили Симонян, Ивакин, другие ребята. Потом Романцев стал нам оплачивать поликлинику, обследования в больницах. Каждый год ложусь за городом в кардиологическую клинику и прохожу там профилактику. Врач в поликлинике мне попался хороший — Людмила Степановна. Потом, как мне сказали, она в Министерство здравоохранения пошла работать, — но подобрала мне нужные лекарства, и я уже восемнадцать лет живу. Хотя тогда — умирал.

И здорово, что турнир «Негаснущие звезды» придумали. А то когда вышел из больницы — не знал, что делать дальше. Ну, вышел, погулял, вернулся домой — а что еще? Не то что работать — никакую тяжесть поднять не мог. Врачи разрешили не больше двух кило. И сел я тогда у телевизора и стал смотреть передачи о правильной еде.

Подбирал себе варианты, шел на базар, покупал продукты, приходил и готовил, жене помогал — чтобы она не ходила по магазинам и на готовку хотя бы иногда силы не тратила. И супы научился делать, и борщи. Плов вот никак не получается...

А в последнее время мне навручали столько орденов, что я обалдел. За золото Олимпиады в Мельбурне дали «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Произошло это благодаря Симоняну и Парамонову. Они встречались с Дмитрием Медведевым,

у которого есть благотворительный фонд помощи спортсменам. А мы тогда, в 2006-м, как раз в «Президент-отеле» отмечали 50-летие победы в Австралии.

Там был небольшой банкетик, на котором все оставшиеся в живых олимпийцы 1956 года были. Я посмотрел на них — просто ужас! Ни одежды, ничего нет у людей. Когда они выходили на сцену — сердце кровью обливалось. Там-то Парамонов подошел к Медведеву и сказал, что Исаев забил золотой гол, а ему даже ордена не дали. Никита Палыч что-то добавил. Дмитрий Анатольевич, который президентом тогда еще не был, ответил: «Разберемся!»

И вдруг в 2009 году мне этот орден вручают! Правда, не сам Медведев, а Виталий Мутко. Сказали, что мне трудно будет дойти до Кремля. Но все равно приятно.

К нынешнему «Спартаку» у меня в целом нормальное отношение. Хотя, конечно, сложный это вопрос, но, как говорится, хозяин — барин. Что Федун хочет, то и делает. Нам, ветеранам, по крайней мере, помогает — за одно это спасибо. И ему, и любому спартаковскому тренеру во все времена — желаю только удачи. Без нее в спорте ничего не выиграешь, будь ты как угодно хорош.

Так вот — удачи тебе, «Спартак»!

Геннадий ЛОГОФЕТ

«РОКФЕЛЛЕР БЫ В ГРОБУ ПЕРЕВЕРНУЛСЯ!»

УЖЕ БОЛЬШЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ, ПРИХОДЯ НА ДОНСКОЕ КЛАДБИЩЕ БЛИЗ СТАНЦИИ МЕТРО «ШАБОЛОВСКАЯ», чтобы вспомнить своего дядю, знаменитого поэта-песенника и спартаковского болельщика Игоря Шаферана, я прохожу мимо еще одной важной для меня могилы. И тоже кладу к ней цветы.

Здесь с декабря 2011 года лежит Геннадий Логофет — великий спартаковец и добрейшей души человек. Над могилой раскинула лапы голубая ель. На ней почти всегда висит красно-белый шарф. Памятник же, мимо которого сложно пройти, не обратив на него внимания, украшен спартаковским ромбиком.

А ближе к концу предыдущего, 2010 года я был в настоящем доме-музее. Вернее, квартире. За окном надрывно выла пожарная сирена, да и вообще кипела какая-то мелкая городская суета — а здесь все было на своих местах, упорядочено, расставлено с таким изяществом и вкусом, что глаз радовался. Медали, кубки, другие призы и награды... Жена постаралась — тогда как при первой супруге все его футбольные регалии пылились в ящиках.

А интеллигентнейший и добрейший Геннадий Олегович, которого один из моих коллег любовно прозвал Котом Леопольдом, кажется, готов был о каждом трофее с десятков историй рассказать. Медали золотые, кстати, тогда совсем небольшими по размеру были. Вроде бы маленький такой металлический кругляш, но сколько же нечеловеческого труда и преодоления в него вложено! И скольких людей такая медалька делала счастливыми!

Держишь ее на ладони, и история вмиг проникает тебе в самое сердце.

Полтора десятка лет в «Спартаке», вся карьера в одном клубе, две золотые медали в 1962-м и 1969-м, третье место в истории клуба по числу проведенных матчей после Игоря Нетто и Федора Черенкова... Плюс природная общительность и характер, из-за которого к Логофету просто невозможно было плохо относиться. Когда едешь разговаривать с таким человеком, настроение уже изначально хорошее — никакого напряжения, необходимости тщательно подбирать слова, дабы ненароком не обидеть, нет. Он еще юного Юру Семина, когда тот приехал из Орла в «Спартак», под опеку взял — будущий творец «Локомотива» (кто мог тогда такое предположить?) благодарен ему за это до сих пор. И сколько есть людей, благодарных Логофету так же, как Семин!

Большим тренером Геннадий Олеговичу, в отличие от Юрия Палыча, стать было не суждено — хотя выпускался Логофет из самого первого набора в ВШТ. Но в послеигровой жизни все равно чувствовал себя комфортно — даром, что ли, в отличие от почти всех советских футболистов, штудировал английский и итальянский языки? Его неординарность проявилась и в этом. Прожив большую часть жизни в Советском Союзе, Логофет, уверен, никогда не был «совком». Он как рыба в воде чувствовал себя в Европе. И если бы играть ему довелось лет на тридцать позже, не сомневаюсь, легко адаптировался бы к Западу.

Но судьба распорядилась так, что жил он ни на каком не на Западе, а в квартире у метро «Нахимовский проспект». И теперь, в отличие от первого издания этой книги, когда Логофет еще был жив и даже презентовал «Спартакские исповеди» вместе со мной в Центральном доме художника на Крымском Валу, могу рассказать историю, сопутствовавшую нашей встрече.

Геннадий Олегович встретил меня у подъезда и предложил сначала зайти в супермаркет.

— Супруги во время нашего разговора дома не будут, а так пива хочется! Она из-за моих болезней настроена запрещает...

Логофет — не подросток, чтобы читать ему нотации, что можно, а что нельзя, — поэтому наш разговор проходил под его любимый пенный напиток. И тут... пришла жена. В первые минуты

Геннадий Олегович слышал от нее много неприятного. Автору этой книги тоже досталось. Слава богу, взяли в магазине мы умеренно, по бутылке-две, и смягчить хорошую женщину добрым разговором удалось быстро.

Но когда год с небольшим спустя Геннадия Олеговича не стало, я не мог не вспомнить ту историю и не задуматься — а может, все-таки надо было тогда остановить его пивной порыв, не потакать ему?..

Нахимовский проспект — нетипичное, надо сказать, для спартаковца место: красно-белыми краями всегда считался север, а не юг столицы. С этого наблюдения я и начал разговор.

Раньше я жил в трех минутах от «Павелецкой». Собирал антиквариат. На сберкнижку деньги не клал никогда, не умел копить. Как появлялась какая-то серьезная сумма — сразу что-то антикварное покупал. И почти все первой жене оставил. Забрал только свои награды футбольные.

К 1980-му у меня уже появилась новая семья. И как раз все эти перемены в личной жизни к покупке кооперативной квартиры подтолкнули. Надо же жить где-то, а не ютиться по углам! Почему здесь, на «Нахимовском проспекте»? Да первое, что попало — вот почему. За огромные по тем временам деньги купил — 12 600 рублей. Первый взнос, как сейчас помню — шесть шестьсот, остальное в рассрочку.

А ведь мог получить ее тогда бесплатно. Я был тогда в штабе олимпийской сборной СССР, и Николай Петрович Старостин выхлопотал для нее фантастические условия. За каждую победу на московской Олимпиаде премиальные — четыреста с лишним рублей, причем привозили их в Новогорск на следующий же день после игры.

Медали мы тогда завоевали, вот только — бронзовые. И все равно, если бы я попросил Старостина, то за третье место получил бы квартиру, причем в хорошем доме. Но после того, что при таких условиях мы не выиграли, мне стыдно было просить.

Посоветовался с женой.

— Делай как хочешь, — сказала она.

И не пошел я к Николаю Петровичу. Вот такой тогда был. Сейчас бы так не поступил.

Намного раньше, после сезона-1966, меня «Шахтер» из «Спартака» в том числе и квартирой сманивал. «Спартак» мне надоест не мог — это любимейшее дело всей жизни, сбывшаяся мечта. Но был эпизод, когда мне захотелось уйти. От тренера Гуляева.

Я в предыдущем сезоне в список тридцати трех лучших игроков СССР попал, а он, приняв команду, с первой же тренировки меня с дублем заставил работать, ничего не объяснив, вообще не поговорив. Я отказался. И тогда Николай Алексеевич вдруг ответил:

— А, ну ладно. Давай с основной тренируйся.

Но его отношение ко мне стало ясно. В Донецке тогда тренировал известный специалист Олег Ошенков. И как только он поведал о моих отношениях с Гуляевым — три раза подсылал ко мне «на растерзание» своих людей. Говорил, что для доплаты устроит меня в шахту на ставку Героя Социалистического Труда. То есть если в самой команде зарплата была 250 рублей, то на шахте я бы каждый месяц еще смог получать 850—900 рублей — чуть ли не вчетверо больше.

Ответил, что из «Спартака» не уйду ни за что, хотя с этим тренером работать не хочу.

Потом опять приехали из Донецка. Теперь пообещали устроить уже на две шахты — плюс дать квартиру в Москве, причем на улице Горького, от Министерства угольной промышленности.

Я держался как камень.

Впоследствии секретарша председателя московского городского совета «Спартака» — а мы там зарплату получали — рассказала, что как-то Гуляева вызвали и задали вопрос:

— Как же так — шесть человек написали заявление об уходе: Амбарцумян, Рейнгольд, чуть ли не Маслаченко?

Я тогда тоже был «на старте», готовился написать. А Гуляев и ответил:

— Ну и что? Наберу новых, а эти пусть уходят. Мы в 1966-м заняли четвертое место, и эти люди мне мешали. Гарантирую, что без них будем в тройке.

Там подумали и сказали:

— Лучше потерять одного тренера, чем шесть игроков основного состава.

И убрали Гуляева. А Старостина тогда в команде не было — его уволили в конце 1965-го, после «дела Севидова».

Как только выяснилось, что Гуляева нет, все ребята сразу созвонились, забрали заявления и сказали, что остаются в команде. Но, честно говоря, если бы он остался, я бы ушел. Потому что Гуляев меня, извините, достал. А у меня уже тогда был принцип: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти».

Вместо Гуляева тогда поставили Сальникова. Но в роли старшего тренера он проработал недолго — с января по май. Потому что тренерской жилки у Сергея Сергеевича не было. Игроком был блестящим, моим кумиром. Но чтобы стать тренером, мало быть классным футболистом.

И тогда в команду вернули Никиту Симоняна, которого уволили вместе со Старостиным. Заодно и Николай Петрович вернулся — ребята поставили такое условие. Володя Маслаченко, молодец просто, воспользовался большими связями своего тестя, который и продавил возвращение Николая Петровича. А на его месте начальника команды был Андрей Сосульников — человек, не имевший к футболу никакого отношения, зато партийный работник.

Мы с Рейнгольдом, помню, приходили в кабинет, где тогда сидел Старостин, и умоляли его вернуться. Он согласился. Мы спросили:

— Куда сейчас идти-то — в ВЦСПС? Вы наше мнение знаете, вся команда вас очень просит, а мы пришли по ее поручению.

Но там все зависело не от него, а от партийных товарищей. И когда шесть человек основного состава написали заявления об уходе, скандал дошел до Московского горкома КПСС и даже до ЦК...

Старостину про предложение «Шахтера» я не говорил. Бессребреником себя не назову, но «Спартак» на материальные блага променять просто не мог. Сейчас, наверное, ни один футболист такими категориями не мыслит.

Потом, когда приезжали со «Спартаком» в Донецк и встречались с администратором горняков Гарбером, приятным человеком, он всегда говорил:

— Ну что же ты не перешел? Меня тогда Олег Александрович Ошенков чуть с работы не выгнал за то, что я тебя не привез. Тебе же такие условия предлагали — доплаты на двух шахтах, как Герою Соцтруда и заму начальника смены, квартиру в Москве!

А квартира у меня тогда была малогабаритная двухкомнатная, которую Старостин после свадьбы дал в 1965-м. Но я не мог...

Мы с женой иногда сидим, смотрим футбол, спрашиваю ее:

— Как ты думаешь, сколько я бы сейчас получал? Наверное, миллионов пять евро...

А еще ведь и за рубеж можно было поехать, о чем тогда и речи не было. Хотя, помню, в 1960 году, когда юношеская сборная поехала за границу, подошел мужик и на русском языке сказал:

— «Ювентус» интересуется Рейнгольдом. Миллион за него дают, к кому обратиться?

Ему ответили:

— Ты чего, дурак, что ли? Это же Советский Союз, а тем более кто его, восемнадцатилетнего, отпустит?

Скорость у Рейнгольда действительно была потрясающая. На мой взгляд, он самый быстрый футболист в мире из тех, кого я вообще когда-либо видел. А вот мне тайных предложений из-за границы никто не делал. Защитники тогда особо не ценились...

Еще раньше меня в ЦСКА звали. В 1960-м был интересный случай. Я еще играл за дубль, и был у нас вратарь Алабужев. После какого-то матча вхожу в раздевалку, а он мне говорит:

— Ты что, с ума сошел, что ли? Сам себе погоны пришиваешь такой игрой — тебя обязательно заметут в ЦСКА...

Так и вышло. В 1962 году Соловьев, тренер, подзывает и говорит:

— Слушай, Ген, я сейчас принимаю ЦСКА и вижу тебя на месте правого защитника в своей команде. Давай переходи!

И сразу пообещал мне квартиру в центре Москвы, которую тогда давали только женатым, а у меня жены еще не было.

Я Соловьеву на это ответил:

— Вы что думаете — за ЦСКА буду биться так же, как за «Спартак»? Я же, играя за ЦСКА, никогда не буду так отдаваться — всей

душой, всем сердцем. Потому что это противники. Пройдут два года службы, и я тут же вас покину.

Соловьев был мудрый человек. Поблагодарил за откровенность и вычеркнул меня из «генеральского призыва». Мне потом объяснили, что где-то на высоких этажах в Минобороны составлялся список особо нужных армии представителей разных профессий, из которых «забрить» могли любого, в том числе спортсмена. И меня в таком списке угораздило оказаться. Но Соловьев мою фамилию оттуда вычеркнул. Правда, в 1965-м, после окончания института, где была военная кафедра, все же пришла повестка. Я — к Старостину.

— Не ходи, — посоветовал Николай Петрович.

Таких повесток со временем набралось три штуки. И тут Николай Петрович говорит:

— А вот теперь иди в военкомат.

— Так страшно же! Забреют!

— Иди, иди, все уже нормально...

И действительно. Пришел, расписался, получил военный билет, в котором было написано: «Рядовой необученный, годен к строевой службе в военное время». И все. Оказывается, Старостин сходил в ЦК и все уладил, оттуда спустили указание меня не трогать.

Тут сразу вспоминается, как молодому Эдику Стрельцову тоже присылали повестки, но он никуда не ходил. Прошел месяц, его спросили, как у него дела с армией, и Стрельцов ответил:

— Армия — армией, а ЦК — цекой.

Просто директор автозавода был кандидатом в члены ЦК КПСС...

В «Спартак» я влюблен с детства. Как водится, отец привел на стадион — и пошло-поехало. В 1952-м, кажется, наша семья переехала на Бережковскую набережную, а там весь дом за «Спартак» болел — и я, естественно, тоже. А окончательно влюбился в команду, когда в 1956-м десять спартаковцев с Яшиным в воротах Олимпиаду в Мельбурне выиграли. Состав хоть сейчас могу назвать!

В том же 1956-м открылись «Лужники», от дома недалеко. Я уже занимался в школе ФШМ у Бескова, нам давали «билет участника первенства СССР по футболу» с правом прохода на любой матч. Более того, нас заставляли ходить на все игры, и потом мы их обсуждали. И я ни одного матча «Спартак» не пропускал. Вообще, причины огромной популярности команды видят в разном, но, по-моему, дело было в качестве ее игры. И в том, что народ ходил на имена. А в «Спартаке» в то время было десять олимпийских чемпионов. Наконец, родословная клуба — из народа все-таки...

В 1957-м, когда мне было пятнадцать, после очередной тренировки Константин Иванович назвал три фамилии, в том числе и мою. И сказал, чтобы в понедельник мы были в Спорткомитете Москвы с метриками. На наш вопрос: «Зачем?» он ответил:

— Я сказал — и все!

Бесков тогда уже строгим был.

Встретились с ребятами на Чистых прудах, зашли в отдел футбола. Там какой-то мужик предложил нам написать заявление на имя председателя: мол, прошу поставить меня на стипендию Спорткомитета Москвы. А второго ноября чтобы пришли сюда же, в кассу. Тогда и получил в первый раз 800 рублей — тех еще, дореформенных. У меня родители получали тысячу, тысячу сто, а тут я в пятнадцать лет почти столько же принес! С вычетами, как сейчас помню, было 793 рубля.

Бутылка водки тогда стоила 30 рублей, коньяка — 41. Весь класс знал, что я деньги получаю, весь Кутузовский, вся Можайка — такие новости быстро разлетаются. А тратить деньги мне было некуда — не пил и не курил, даже к пиву не притрагивался. В школьном буфете стакан чая — пятак, пирожок с повидлом — пятьдесят копеек. Достаю сотенную, а буфетчица:

— Ой, а у меня сдачи нет! Ну и ученичок пошел!

Спустя несколько месяцев все в ФШМ роптать начали — почему, дескать, только трое получают? Бесков услышал это, позвал всех, усадил в раздевалке и произнес фразу, которая мне врезалась в память на всю жизнь:

— Запомните раз и навсегда: чем лучше играешь, тем дороже стоишь.

И после этого все разговоры прекратились.